

ЯКОБЫ ДЕНЬГИ

ИЗ ЧЕРНОВЫХ ТЕТРАДЕЙ РОМАНА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

В 1928 или 1929 году Михаил Булгаков начал роман, который впоследствии станет романом «Мастер и Маргарита». Правда, тогда в романе еще не было мастера и не было Маргариты. Был Воланд и был кот, были Берлиоз и Иванушка, закат на Патриарших прудах, сеанс черной магии и прочее, а мастера и Маргариты не было. Замышлялся сатирический роман, может быть сатирическое обозрение, даже сатирическая феерия — «роман о дьяволе», с неожиданно врезанными в него главами о Понтии Пилате и Иешуа Га-Ноцри (эта особенность отличала замысел Булгакова с самого начала).

Была ли закончена та первая редакция романа, неизвестно, но значительная часть, по-видимому, была написана. Может быть, даже перепечатана на машинке. В начале 1930 года эту редакцию романа писатель уничтожил, сжег.

Роман был сожжен, а его черновые — предварительные — тетради остались: две общие тетради с исчерканными, изорванными листами и еще узкая пачечка листков — пачечка половинок от разорванных по вертикали листков — из третьей. Писатель рвал листы в своих тетрадях, потому ли что эти листы не удовлетворяли его, или потому, что были уже переписаны. По срыву видно, что рвал он их в разное время, иногда по одному, иногда целыми главами, большей частью все-таки оставляя тексты у корешков, а порою полосы с краю — «на память».

Несколько глав, однако, почти не

тронул. Не случайно, надо думать, как не случайно остались нетронутыми в этих тетрадях и листы с разного рода выписками и записями, нужными для дальнейшей работы. Глава 13-я — «Якобы деньги» — уцелела почти полностью.

В этой главе видны некоторые подробности будущего романа «Мастер и Маргарита». Читатель узнает общие очертания ювелиршиной квартиры, гостиную с «церковным» светом из окон (Булгаков достигает этого освещения здесь с помощью гардин, а в окончательном тексте — благодаря «цветным стеклам больших окон», «фантазии бесследно пропавшей ювелирши»). Узнает буфетчика (здесь его портрет дан подробнее). Прообраз Азazelло угадывается за страшноватой «рожей», а за «маленьким человечешкой в черном берете» — может быть, будущий Коровьев. В фабульном отношении этой главе в законченном романе «Мастер и Маргарита» отчасти соответствуют главы 17 («Беспокойный день») и 18 («Неудачливые визитеры»).

И все-таки это не просто черновики «Мастера и Маргариты». Это другой — самостоятельный интересный текст. Фактически — глава из другого, предшествующего романа.

Здесь иной быт — действие явно сдвинуто к эпохе нэпа (буфетчик — не заведующий, а владелец буфета в Варьете и даже, как можно заключить по отдельным словам наполовину уничтоженного листа в середине главы, — владелец не толь-

ко этого буфета). Здесь иной стиль — еще нет прозрачной взвешенности каждого слова, так гипнотизирующей в романе «Мастер и Маргарита»; стиль этой главы ближе к фельетонной манере Булгакова 20-х годов. Иной — гораздо мельче, несмотря на свой огромный рост, — Воланд. Он, пожалуй, ближе к Коровьеву, может быть потому, что еще не сложился Коровьев. В образ большого художественного обобщения Воланд — покровитель беспощадной сатиры и вместе с тем воплощение нечеловечески жестокой справедливости, князь тьмы и теней, владыка ночного, лунного, оборотного мира, мира смерти, сна и фантазии — вырастет позже, когда в роман войдут Маргарита и мастер.

В этих ранних страницах особенно хорошо слышен — пожалуй, более «открыто», чем в романе «Мастер и Маргарита», более «первоначально» — любимый Булгаковым Гоголь с его и пугающей и смеющейся-

ся чертовщиной. Здесь и прямое упоминание «Заколдованного места». И гоголевское — по-гоголевски, как в «Заколдованном месте» и «Пропавшей грамоте», употребленное — словечко «рожа». А может быть, и некоторые портретные черты «рожи» («клыки» и, «кроме того, горб») имеют отношение к портрету колдуна в повести Гоголя «Страшная месть» («... из рта выбежал клык, из-за головы поднялся горб, и стал казак — старик»).

Впрочем, вся дьявольщина с «якобы деньгами» — и в этой ранней главе, и в законченном романе «Мастер и Маргарита» — явно сродни кладам в «Вечере накануне Ивана Купала» и в «Заколдованном месте» Николая Васильевича Гоголя, кладам, оборачивающимся сором и черепками...

Черновые тетради романа «Мастер и Маргарита» хранятся в отделе рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.

Интересно, как никому и в голову не пришло, что странности и вообще всякие необыкновенные происшествия, начавшиеся в Москве уже 12-го июня, на другой же день после дебюта м-е Воланда, имели все один, так сказать, общий корень и источник и что источник этот можно было бы и проследить. Хотя, впрочем, мудреного особенно и нет. Москва город громадный, раскиданный нелепо, населения в нем как-никак два с половиной миллиона, да и население-то такое привычное ко всяким происшествиям, что оно уж и внимание на них перестало обращать.

В самом деле, что, скажем, удивительного в том, что 12-го июня в пивной «Новый быт» на углу Триумфальной и Тверской арестовали гражданина? Арестовали за дело. Выпив три кружки пива, гражданин направился к кассе и вручил кассирше червонец. Хорошо, что бедная девушка опытным глазом увидела, что червонец скверный — именно на нем одного номера не было. Кассирша, не глупая девушка, вместо того, чтобы со скандалом вернуть бумажку, сделала вид, что в кассе что-то заело, а сама мигнула малому в фартуке. Тот появился у плеча обладателя червонца. Осведомились, откуда такой червонец малахольный? На службе получил... Любопытные лица. На службе, гражданин, таких червонцев сроду не давали. Гражданин в замешательстве к двери. Попридержали, через минуту красное кепи и — готово. Замели гражданина.

Второй случай вышел пооригинальнее. В кондитерской в Столешниковом переулке купил прилично одетый мужчина двадцать штук пирожных. К кассе. Кассирша в негодовании.

— В чем дело?

— Вы что, гражданин, даете?

— Как «что»? Черп...

Глядь, какой же это червонец! Кассирша злобно возвращает этикетку белого цвета. Написано: «Абрау-Дюрсо, полусухое».

— Что такое?! Ради бога, извиняюсь...

Дает другой, тут уж скандал! Конфетная бумажка «Карамель фабрики Розы Люксембург «Наш ответ Чемберлену».

— Попрошу не хулиганить!

Все приказчицы негодуют. Публика смотрит... Господин малиновый, еле выскочил из магазина, но его вернули, заставили заплатить за измятые в коробке пирожные. Он расплатился серебряной мелочью. А выбежавши, швырнул в канавку проклятые две бумажки, причем изумленный прохожий поднял их, развернул, увидел, что это червонцы, присвоил их.

На Мясницкой у почтамта в полдень громко разрыдалась девушка, торгующая с моссельпромовского лотка шоколадом. Оказалось, что какой-то негодяй вручил и так нищей, нуждающейся продавщице червонец, а когда она через некоторое время вынула его из жестяной коробочки, служившей ей кассой, увидела в руках у себя белый листок из отрывного календаря. Потом случаи стали все чаще и все связаны они были с деньгами. В банке на углу Петровки и Кузнецкого арестовали кассира, потому что, сдавая дневную кассу контролеру, он сдал в пачке, перевязанной и им подписанной, вместо тысячи только семьсот и на триста — резаных по формату лозунгов «Религия — яд, берегите ребят».

В частном галантерейном магазине на Арбате обнаружил хозяин в кассовом ящике вместо четырех червонных бумажек четыре билета в театр на революционную пьесу. Владелец магазина их рвал зубами.

В кассе месткома газеты «Звонок» во Дворце Труда случилось похуже. Там обнаружилась недостача денег в несгораемом шкафу, а вместо недостающих червонцев — пятьдесят штук троцкистских прокламаций самого омерзительного содержания. Секретарь, обнаруживший их, ничего никому не сказал, но уединился в телефонной будке, и через час трое людей в черных куртках увезли прокламации, а с ними двух беспартийных сотрудников «Звонка», неизвестно куда. Случаи превращения денег в черт знает что во второй половине дня стали настолько частыми, что о них тут только расплылся по столице слухок... Из одних трамваев раз двадцать высаживали субъектов, которые развязно протягивали кондукторам всякий хлам вроде, например, наклейки с коробки сардин «Маяк», как это было на Моховой улице.

На Смоленском рынке на закате солнца в подворотне произошла поножовщина по поводу брюк, купленных за вышедший в тираж лотерейный билет автодора. Человека зарезали с ловкостью и смелостью почти испанской.

Меж тем только один человек во всей Москве в тот день проник в то место, о котором впоследствии только догадались... Человек этот, конечно, был буфетчик Варьете. Нужно отметить, что человек короткого роста и с веками, прикрывающими свиные глазки крышечками, и моржовыми усами был меланхоликом. На лице у него царило не сходящее выражение скорби, и тяжкие вздохи непрерывно вырывались из его груди. Если ему приходилось платить восемь копеек в трамвае, он вздыхал так, что на него оборачивались.

В утро 12-го июня, проверяя кассу, он нашел вместо одиннадцати червонцев одиннадцать страниц маленького формата из «Заколдованного места» Гоголя. Мы не беремся описывать ни лицо буфетчика, ни его жесты, ни слова.

Он к полудню закрыл буфет, облачился в желтое летнее пальто, художническую шляпу и, несмотря на жару, в калоши и, вздохами оглашая окрестности, отправился на Садовую. У подъезда Варьете он продрался сквозь толпу, причем вздохнул многозначительно.

Через пять минут он уже звонил в третьем этаже. Открыл ему маленький человечико в черном берете. Беспрепятственно буфетчика пропустили в переднюю. Он снял калошки, аккуратно поставил их у стоечки, пальтишко снял и так вздохнул, что человечико обернулся, но куда-то исчез.

— Мессир, к вам явился человек.

— Впустите, — слышался низкий голос.

Буфетчик вошел и раскланялся, удивление его было так сильно, что на мгновение он забыл про одиннадцать червонцев.

Вторая венецианская комната странно обставлена. Какие-то ковры всюду, много ковров. Но стояла какая-то подставка, а на ней совершенно ясно и определенно золотая на ножке чаша для святых даров.

«На аукционе купил. Ай, что делается!» — успел подумать буфетчик и тут же увидел кота с бирюзовыми глазами, сидящего на другой подставке. Второй кот оказался в странном месте на карнизе гардины. Он оттуда посмотрел внимательно на буфетчика. Сквозь гардины на двух окнах лился в комнату странный свет, как будто в церкви в пламенный день через оранжевое стекло. «Воняет чем-то у них в комнате», — подумал потрясенный царь бутербродов, но чем воняет, определить не сумел. Не то жжеными перьями, не то какою-то химической мерзостью.

Впрочем, от мысли о вонючем буфетчике тотчас отвлекло созерцание хозяина квартиры. Хозяин этот раскинулся на каком-то возвышении, одетом в золотую парчу, на коей были вышиты кресты, но только кверху ногами.

«Батюшки, неужели же и это с аукциона продали?»

На хозяине было что-то, что буфетчик принял за халат и что на самом деле оказалось католической сутаной, а на ногах

черт знает что. Не то черные подштанники, не то трико. Все это, впрочем, буфетчик рассмотрел плохо. Зато лицо хозяина разглядел. Верхняя губа выбрита до синевы, а борода торчит клином. Глаза буфетчику показались необыкновенно злыми, а рост хозяина, раскинувшегося на этом... ну, бог знает на чем, неимоверным.

«Внушительный мужчина, а рожа кривая», — отметил буфетчик.

— Да-с? — басом сказал хозяин, прищуриваясь на вошедшего.

— Я, — поморгав, ответил буфетчик, — изволите ли видеть, содержатель-владелец буфета из Варьете.

— Не подумаю даже! — ответил хозяин.

Буфетчик заморгал, удивившись.

— Я, — продолжал хозяин, — проходил мимо вашего буфета, почтеннейший, и нос вынужден был заткнуть...

Здесь, к сожалению, текст обрывается. Хорошо видно, как следующий листок в тетради Булгаков сложил пополам, по вертикали, отутюжил ногтем и аккуратно оторвал половину. Виден след сгиба внутрь, сохранились начала строк — у корешка. На обороте листа так же отчетлив наружный след сгиба и сохранившиеся концы других строк.

Воланд говорит здесь об осетрине, которую видел накануне в буфете («Я вашей осетрины в рот брать не намерен»), но знаменитого теперь его рассуждения о том, что свежесть

бывает только одна — первая, она же и последняя, еще нет. Буфетчик упорно сворачивает на свое: «Извиняюсь, я не... с тем пришел». — «Не с тем? — удивился [Воланд]. — Должен заметить... что из лиц, близких вам [по профессии, я] знаком только с маркизанткой...» Затем буфетчик — «уже озлобленно» — высказывает свою претензию по поводу вчерашнего сеанса в Варьете. Последнее на этом листе слово — возглас Воланда: «Бегемот!» И далее, с новой страницы, оставшийся в неприкосновенности текст:

На зов из черной пасти камина вылез черный кот на толстых, словно дутых лапах и вопросительно остановился.

«Дрессированный, — подумал буфетчик, — лапы до чего гадкие!»

— Ты у канцлера был? — спросил Воланд.

Буфетчик вытаращил глаза.

Кот молчал.

— Когда же он успеет? — слышался хриплый сифилитический голос из-за двери, — ведь это не ближний свет. Сейчас пошлю.

— Ну, а в <Наркомпросе? — Исналитуге?!

— В <Наркомпрос> Исналитуг я Бонифация еще позавчера посылал, — пояснил все тот же голос.

— Ну?

— Потеха!

— Ага, ну, ладно. Брысь! (Кот исчез в камине.) И так, продол-

¹ В угловые скобки заключены зачеркнутые автором слова. Выше в квадратных скобках — слова предполагаемые.

жайте, вы славно рассказываете. Так... Якобы деньги?.. Дальше-с...

Но буфетчик не сразу обрел дар дальнейших рассказов. Черненькое что-то стукнуло ему в душу, и он настороженными слезящимися глазками проводил Бегемота в камин.

— А они, стало быть, ко мне в буфет и давай их менять!

— О! Жадные твари! Но, позвольте, вы-то видели, что вам дают?

— То-то, что деньги совершенно как настоящие.

— Так что же вас беспокоит? Если они совершенно как настоящие...

— То-то, что сегодня, глядь, ан вместо червонцев резаная бумага.

— Ах, сволочь-народ в Москве! Но, однако ж, чего вы хотите от меня?

— Вы должны уплатить...

— Уплатить?!

— О таких фокусах администрацию надлежит уведомлять. Помилуйте, на 110 рублей подковали буфет.

— Я не хочу вам платить. Это скучно платить.

— Тогда вынужден я буду в суд заявить, — твердо сказал буфетчик.

— Как в суд! Рассказывают, у вас суд классовый.

— Классовый, уж будьте спокойны.

— Не погубите сироту, — сказал плаксиво Воланд и вдруг стал на колени.

«Полоумный или издевается», — подумал буфетчик.

— Лучше я вам уплачу, чем в суд идти. Засудят меня, ох, засудят, как пить дадут, — сказал Воланд. — Пожалуйте бумагу, я вам обменяю.

Буфетчик полез в карман, вынул сверток, развернул его и ошалел.

— Ну-с, — нетерпеливо сказал хозяин.

— Червонцы! — шепотом вскричал буфетчик.

Воланд сделался грозен.

— Послушайте, буфетчик! Вы мне голову пришли морочить или пьяны?

— Что же это такое делается? — залепетал буфетчик.

— Делается то, что у вас от жадности в глазах мутится, — пояснил Воланд, вдруг смягчаясь. — Любите деньги, плут, сознайтесь? У вас, наверное, порядочно припрятано, э? Тысячки сто тридцать четыре, я полагаю, э?

Буфетчик дрогнул, потому что, ляпнув наобум, по-видимому, цифру, Воланд угадал до последней копейки — именно в сумме 134 тысяч выражались сбережения буфетчика.

— Это никого не касается, — забормотал буфетчик совершенно пораженный.

— Мне только одно непонятно, — продолжал артист Во-

ланд, — куда вы их денете? Вы помрете скоро, через год, в гроб вы их не закинете, да они в гробу вам и не нужны...

— Попрошу вас не касаться моей смерти, — тихо ответил буфетчик и побледнел и стал озираться. Ему сделалось страшно, отчего — он сам не знал.

— Я пойду, — добавил он, вращая глазами.

— Куда же вы так спешите? — любезно осведомился хозяин. — Оставайтесь с нами, посидите, выпьемте. Бонифаций превосходно приготовляет напиток. Отведайте, э?

— Благодарствуйте, я не пью, — просипел буфетчик и стал пятиться.

— Куда ж вы? — спросил вдруг сзади кто-то, и вынырнула рожа. Один глаз вытек, нос провалился. Одета была рожа в короткий камзолчик, а ноги у нее разноцветные, в полосах, и башмаки острые. На голове росли рыжие волосы кустами, а брови были черного цвета, и клыки росли куда попало. Тихий звон сопровождал появление рожи, и немудрено: рукава рожи, равно как и подол камзола, были обшиты бубенчиками. Кроме того, горб. То есть не то что выпивать с этой рожей...

— Хватим? — залихватски подмигнув, предложила рожа и пододвинулась к буфетчику. Рожа сняла с подставки святую чашу и поднесла ее буфетчику.

— Не пью, — шепотом ответил буфетчик, вдавился в переднюю, увидел на стене громадную шпагу с рукоятью чашей и затем совершенно голую девицу, сидящую верхом на кресле, отделанном черепахой. Увидев буфетчика, девица сделала такой жест, что у того помутилось в глазах. Не помня сам себя, буфетчик был выпущен на лестницу, и за ним тяжело хлопнула дверь.

Тут буфетчик сел прямо на ступеньку и тяжело дышал, глаза у него лезли из-под бровей, хоть пальцами их вдавливай. Он почему-то ощупал себя. И когда коснулся головы, убедился, во-первых, что она совершенно мокрая, а во-вторых, что он шляпу забыл в квартире Воланда. Затем он проверил сверток, червонцы были налицо.

Солнце било на лестницу через окно. Гулкие шаги послышались сверху. Поравнялась женщина, брезгливо поглядела на буфетчика и сказала:

— Вот так дом малахольный. Ну, с утра все пьяные, ну, прямо потеха. Э, дядя, у тебя червонцев-то, я вижу, курочки не клюют? — И вдруг уселась рядом, кокетливо ткнула буфетчика в ребро. Тот пискнул и машинально прикрыл червонцы ладошкой.

— Имею такой план, — интимно зашептала женщина, и буфетчик, безумно глядя ей в лицо, убедился, что она миловидна и не стара, — в квартире сейчас ни одной души, все рассосались, кто куда. Ты мне червончик, а уж я тебя ублагодарю. Водочка есть, селедочка. Я утром погадала, как раз мне вышла

амурная постель с трефовым королем, а трефовый король — ты.

— Что вы? — воскликнул трефовый король болезненно и спрятал червонцы.

— Ты думаешь, может, что я проститутка? — спросила женщина. — Ничего подобного. Абсолютно честная женщина, муж счетоводом служит, можешь в домкоме справиться.

— Уйдите, Христа ради, — зашептал буфетчик, поднимаясь на дрожащие ноги.

Женщина поднялась, отряхнула юбку, подобрала корзиночку и двинулась вниз.

— Э, дурбалой, о, дурак, — сказала она, — вот уж, видно, рожна с маслом надо. Да другая бы, чтоб к тебе прикоснуться только, три красненьких бы слупила, а я на тебе, червонец! А я с генерал-губернатором отношение имела, ежели знать угодно, можешь в домкоме справиться.

Голова ее стала исчезать.

— Пошел ты... — донеслось снизу и стихло.

Поборов усилием <воли> жадности страх, буфетчик нажал кнопку, услышал, как за дверью загрохотали колокола. Сделав громадные глаза, но решив больше не изнурять себя удивлением, втянув голову в плечи, буфетчик ждал. Дверь приоткрылась, он дрогнул, на черном фоне сверкнуло голое тело все той же девицы.

— Что вам? — сурово спросила она.

— Я шляпочку забыл у вас...

Рыжая голая рассмеялась, пропала в полутьме, и затем из двери вылетел черный ком и прямо в физиономию буфетчику. Дверь хлопнула, за нею послышался взрыв музыки и хохот, от которого буфетчик озяб. Всмотревшись, он охнул жалобно. В руках у него была не его шляпа, а черный берет, бархатный, истасканный, молюю траченный. Буфетчик плаксиво пискнул и позвонил вторично. Опять открылась дверь, и опять голая обольстительно предстала перед буфетчиком.

— Вы опять?! — крикнула она. — Ах, да ведь вы и шпагу забыли?

«Мать честная, царица не...», — подумал буфетчик и вдруг, взвывая, кинулся бежать вниз, напялив на себя берет... Дело в том, что лицо девицы на черном фоне явственно преобразилось, превратилось в мерзкую рожу старухи.

Как сумасшедший, поскакал по ступеням буфетчик и внизу уже вздумал перекреститься. Лишь только он это сделал, как берет, взвывая диким голосом, прыгнул у него с головы и га-лопом взвился вверх по лестнице.

«Вот оно что!» — подумал буфетчик, бледнея. Уже без головного убора он выбежал на расплавленный асфальт, зажмурился от лучей, уже не вмешиваясь ни во что, услышал в левом корпусе стекольный бой и женские визги, вылетел на улицу, не

торгуясь в перьях рта и жизни, сел в извозчиью пролетку, прохрипел:

— К Николю...

Извозчик рявкнул: «Рублик!» Полоснул клячу и через пять минут доставил буфетчика в переулок, где в тенистой зелени выглянули белые чистенькие бока храма. Буфетчик ввалился в двери, перекрестился жадно, носом потянул воздух и убедился, что в храме пахнет не ладаном, а почему-то нафталином. Ринувшись к трем свечечкам, разглядел физиономию отца Ивана.

— Отец Иван, — задыхаясь, буркнул буфетчик, — в срочном порядке... об избавлении от нечистой силы...

Отец Иван, как будто ждал этого приглашения, тылом руки поправил волосы, всунул в рот папиросу, взобрался на амвон, глянул заискивающе на буфетчика, осатаневшего от папиросы, стукнул подсвечником по аналою...

— «Благословен бог наш...»¹, — подсказал мысленно буфетчик начало молебных пений.

— Шуба императора Александра Третьего, — нараспев начал отец Иван, — не надеванная, основная цена 100 рублей!

— С пятаком — раз, с пятаком — два, с пятаком — три!.. — отозвался сладкий хор кастратов с клироса из тьмы.

— Ты что ж это, оглашенный поп, во храме делаешь? — суконным языком спросил буфетчик.

— Как что? — удивился отец Иван.

— Я тебя прошу молебен, а ты...

— Молебен. Кхе... На тебе... — ответил отец Иван. — Хватился. Да ты откуда влетел? Аль ослеп? Храм закрыт, аукционная камера здесь!

И тут увидел буфетчик, что ни одного лика святого не было в храме. Вместо них, куда ни кинь взор, висели картины самого светского содержания.

— И ты, злодей...

— Злодей, злодей, — с неудовольствием передразнил отец Иван, — тебе очень хорошо при подкожных долларах, а мне с голоду прикажешь подышать? Вообще, не мучь, член профсоюза, и иди с богом из камеры...

Буфетчик оказался снаружи, голову задрал. На куполе креста не было. Вместо креста сидел человек, курил.

Каким образом до своей резиденции добрался буфетчик, он не помнил. Единственно, что известно, что явившись в буфет, почтенный содержатель его запер, а на двери повесил замок и надпись: «Буфет закрыт сегодня».

Публикация и комментарий
Лидии ЯНОВСКОЙ

¹ Фраза в рукописи подчеркнута, над нею вопросительный знак. Предполагаю, писатель намеревался уточнить текст молитвы.